
С. В. ПРОЖОГИНА

МИМОЛЕТНОСТИ...

...Я видела и слышала Его нечасто. Но как-то, лет десять тому назад, придя в отдел, где проходит заслушивание докладов наших сотрудников, я вдруг столкнулась с чем-то не вполне для меня обычным. И сама фамилия этого человека звучала как-то, на мой слух, почти пророчески, да и тема его выступления о коэффициенте кровопролитности была, на мой взгляд, волнующе загадочной. Нам, востоковедам, такие области знаний недоступны... Хотя и о синергетике, о «мегаисторических» воззрениях уже поговаривали. Уже работая в Институте востоковедения, я попала в круг общения известной японистки Т. П. Григорьевой, который состоял из физиков и математиков, из художников и военных историков, и даже политиков, которые собирались у нее по разным поводам, чтобы поговорить от души... Вот и сейчас, сидя рядом с Татьяной на заседании отдела, слушая Аюпа Погосовича, я наблюдала за ее реакцией на абсолютно новую теорию и, не удержавшись, спросила: «Тебе понятно?» И вдруг услышала ответ: «Потерпи. Пойдем со временем...»

А время шло. Мы все уже привыкли к тому, что Назаретян занимается чем-то абсолютно «не нашим», хотя были и те, кто эту постоянность клеймил словом «ненаука», не история, не политика, то есть не ее прогнозирование в той форме, которая у нас уже издавна существует. Однако к Его внезапным приходам и необычным повествованиям, к Его имени и фамилии в Москве (как и во многих других столицах) уже привыкли и относились даже с нескрываемым восхищением и удивлением (к примеру, на российском радио однажды состоялась передача о знаменитом конгрессе в Москве, где Он выступал и откуда пришел потрясенный писатель М. И. Веллер, сообщивший на всю страну, что Назаретян – это «что-то феноменальное»).

А время все шло. Он часто уезжал, где-то читал свои лекции, где-то выходили Его книги, но вот и Ему, как и всем нам, пришлось проходить «сквозь строй» Редакционно-издательского совета ИВ РАН, чтобы получить гриф нашего Института для своей

очередной монографии. Но не всем в Отделе сравнительного культуроведения это понравилось. Ведь Он никакой востоковед-историк, Он какой-то *другой, не наш*, не всем удобный, пусть и очень умный, но почему-то неубедительный, когда позволяет себе «ссылаться на свои же собственные труды»... А их было немало. Но подумайте, зачем пересказывать читателю, пусть даже и вполне понятливому, какие-то свои уже изданные мысли о том, что тебя волновало и что уже изучено и опубликовано? Ведь можно вспомнить для дела, обратившись к текстам, идти вслед за автором новой работы дальше! Поэтому я была на Его стороне. За публикацию. За гриф. Книгу, конечно же, утвердили к печати, а я утешала Акопа Погосовича, как могла, писав Ему о своем несогласии с опровергателями Его позиции, которые, вполне откровенно рекомендуя книгу для издания под грифом ИВ РАН, просто хотели ее скомпрометировать. А Он в своем ответе утешал меня: не переживайте, Бог с ними.

Я встретила с ним на том памятном РИСО, на который и сама принесла свою работу. Увидела Его очень побледневшим, с палочкой, с какими-то погасшими глазами. Это был май 2018-го. Вспомнила, как горели эти глаза, когда Он, вернувшись из поездки в Армению, зашел на наши обычные какие-то предпраздничные посиделки и, поставив на стол бутылку отменного коньяка и национальные сладости, вдруг совершенно неожиданно для всех спел, аккомпанируя себе пальцами по столу, в быстром ритме, все куплеты одесской «Мурки», с детства знакомой всем, кто хоть немножко еще любит наше прошлое... (Ах, эти блатные песенки, волновавшие даже тех, кто был знатоком классики, даже тех, кто, как будущий академик С. С. Аверинцев, еще в студенческие годы на филологическом факультете МГУ, стоя перед дверью партбюро, где наш профессор Л. Г. Андреев, заведующий кафедрой зарубежной литературы, почему-то всегда принимал экзамены, и мы поэтому всегда жутко волновались, зная, что не сможем ответить на какие-то вопросы – ведь не обо всем успеешь прочитать в последнюю предэкзаменационную ночь, – но именно Аверинцев на пике нашего волнения, именно он, все знающий и все понимающий, будущий академик многих мировых академий, слабеньким голоском, немного заикаясь, затягивал, а мы потихоньку хором, в ожидании вызова за закрытые пока двери, подпевали ему: «Когда качаются фонарики ночные и черный кот идет по улице домой»... Куда уж там до всяких скандинавских стран и рыцарских романов! Дух захватывало

от каких-то далеких от нас слов и бешеного ритма, поднимавшего наше настроение.) Вот и сейчас, на строгом заседании Редакционно-издательского совета в мае 2018 г. я вспомнила «Мурку» в исполнении Акопа Погосовича и его погасшие глаза... Тогда он удивил всех нас неожиданностью граней своей личности, способной не только зарядить обстановку в науке некоей непривычностью взгляда на мир с позиций мегаисторика, но и разрядить ее с позиций простого человека, просто любившего землю, ее обычный миропорядок, где есть и свои простые и доступные заботы и радости. Ну когда? Например, когда все собрались, пригубили коньячок, подпели хором, поели армянские сладости и разошлись по домам.

Я знала, что Он тяжело болел. Видела по приметам, мне понятным. Желала Ему здоровья. И ничего не писала в журнал, где когда-то Он опубликовал мои заметки о североафриканцах во Франции. Я этим гордилась. Он был еще и прекрасным редактором – чутким и очень понятливым. А это немало для того, кому была оказана честь «написать что-нибудь для его журнала».

Ну да ладно. Страшно перечесть. Все прошло. Остались память, какие-то вспышки наших разговоров, случайных, общих встреч на каких-то мероприятиях. О многом так и не договорили. О том, например, когда же Он соберет, наконец, все «нужное» для избрания Его в Академию. Или о том, что его выводы о коэффициенте кровопролитности потихоньку становятся все реальнее, все страшнее и сильнее становится оружие смерти. В общем, все. Нет больше человека, еще всерьез размышлявшего о том, как спасти человечество путем менее тяжким, чем тот, которым оно шло, спасаясь...